

нейших наших лингвистов, акад. С. П. Обнорский, изучивший обе редакции памятника с точки зрения их языка. В результате С. П. Обнорский пришел к выводу, что язык как первой, так и второй редакции „может быть охарактеризован как нормальный русский литературный язык старшего периода, он смыкается по своим чертам с языком таких наших оригинальных памятников, отражающих старый строй языка, как Русская правда, творения Владимира Мономаха и другие“. Однако „система старого строя языка, широко отражающаяся в памятнике, не в одинаковой степени, не с одинаковой цельностью проявляется в тексте одной и другой его редакции. Бóльшая, в отдельных пунктах абсолютная, выдержанность норм старого литературного языка наблюдается в тексте первой редакции, меньшая выдержанность, большее количество нарушений системы принадлежат второй редакции памятника“. Таким образом, „в разрешении вопроса о старейшинстве по происхождению одной или другой редакции памятника по данным языка следует утверждать первоначальность образования памятника в так называемой первой редакции, признавая во второй редакции позднейшую переработку основного текста, т. е. первой редакции памятника“. Устанавливая близость языка памятника, особенно Академического списка (основного списка первой редакции) с языком произведений Владимира Мономаха, С. П. Обнорский считает, что „пора сложения памятника сравнительно не далеко отстояла от времени деятельности Мономаха (1053—1125)“ и относит первооригинал Слова Даниила Заточника к середине XII в. В отношении датировки второй редакции С. П. Обнорский приходит к несколько неожиданному выводу, относя время ее составления к концу XIII или к XIV в.¹

Содержание Слова Даниила Заточника по обеим редакциям сводится к мольбе, чтобы князь, к которому адресовано послание, спас автора от нищеты и извлек его из того жалкого состояния, в которое он, человек разумный и начитанный, незаслуженно попал. Мольба эта выражается в отдельных притчах, частью извлеченных из литературных памятников, частью оригинальных. Представляя собой самостоятельные афоризмы на тему о различных политических и житейских отношениях, все притчи связаны между собой общей идеей послания. В Молении, т. е. редакции XIII в., связь между отдельными притчами и пословицами выступает явственнее, чем в Слове (редакции XII в.), которое носит более отрывочный характер, что и дало повод многим исследователям считать Слово более поздней, более отдаленной от первооригинала и испорченной редакцией. В. М. Гуссов, вслед за Е. Е. Голубинским, считает даже первую редакцию „нескладной болтовней“,²

¹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946, стр. 126—130.

² В. М. Гуссов. К вопросу о редакциях Моления Даниила Заточника. Летоп. ист.-филол. общ. при Новоросс. ун-в., т. VIII, Одесса, 1900, стр. 5.